

ЭЖЕН МЮЛЛЕР

Робинзонетта

Эжен Мюллер
Робинзонетта
Серия «Книги на все времена (Энас)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11310840

Робинзонетта / Эжен Мюллер; пер. с франц. В. Владимирова; лит. обработка А. Лившица: ЭНАС-

КНИГА; Москва; 2013

ISBN 978-5-91921-057-3

Аннотация

Маленькая сирота, хлебнувшая горя, оказавшись в незнакомых местах, среди чужих людей, сумела, подобно Робинзону на необитаемом острове, не только выжить, но и создать собственное, вполне успешное хозяйство. Благодаря стойкости духа, упорству и трудолюбию девочке удалось завоевать любовь и уважение окружающих, преодолеть всевозможные трудности, невзгоды и, в конце концов, найти свое счастье.

Иллюстрации к повести выполнены французским художником Ф. Ликсом в конце XIX столетия; тогда же В. Д. Владимировым был сделан перевод повести на русский язык.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Часть первая	6
1. За ягодами	6
2. Око за око	8
3. Гостя	12
4. Рассказ	16
5. Жребий	24
6. Тщетная надежда	27
Часть вторая	29
1. У мамыши Бюрель	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эжен Мюллер Робинзонетта

Предисловие переводчика

Эта талантливая книжка Эжена Мюллера несомненно понравится юным читателям и, в особенности, читательницам.

Здесь не будет необитаемого острова, как в «Робинзоне Крузо»; нет, действие происходит в самой обычной населенной местности. Но разве человек одинокий, покинутый всеми, вынужденный пробивать себе дорогу собственными силами, лишенный помощи и содействия, не находится на необитаемом острове, даже если он живет в огромном городе с многомиллионным населением? Иногда при таких условиях он чувствует себя еще более одиноким и заброшенным, чем если бы вокруг него действительно никого не было.

Вместо необитаемого острова в повести Мюллера – «Совиная башня», где вынуждена поселиться маленькая Робинзонетта. Одна, без всякой помощи, она вступает в борьбу с невзгодами, проходит тяжелую школу нужды и лишений. Только благодаря своей энергии девочке удастся выдержать непосильную для ее возраста борьбу и выйти из нее победительницей. Все подробности этой борьбы очень увлекательны, и в них нет ничего неправдоподобного.

Читатели не встретят в этой книге описаний морских бурь, кораблекрушений, нападений разбойников и тому подобных ужасов. Нет, но здесь в самой занимательной форме описываются только те «ужасы», то есть трудности, которые встречаются в жизни и без всяких стихийных сил.

Быть может, прочтя эту книжку, юный читатель или читательница подумают о том, что в жизни надо смелее полагаться на собственные силы, а не ждать посторонней помощи. И это уже будет полезно. Если к тому же у них возникнет желание хоть иногда помочь бедным, заброшенным детям, то это будет и того лучше. Но если даже они просто прочтут эту книжку с удовольствием, не делая из прочитанного никаких выводов, то и тогда наша цель может считаться достигнутой, потому что чтение книг, подобных «Робинзонетте», может иметь только благотворное влияние.

В. Д. Владимиров

Часть первая Чужая

1. За ягодами

Это было в конце чудного месяца июля, когда созревают вишни во фруктовых садах и земляника в лесу.

Солнце проливало свои палящие лучи с высоты прекрасного голубого неба; но так как утром прошел небольшой дождь, в воздухе чувствовалась свежесть.

В этот прелестный полдень множество детей собралось на главной площади деревни, и в их числе был Пьер Бюрель – стройный и сильный мальчик со свежим, открытым лицом; ему можно было дать лет шестнадцать, хотя на самом деле ему было не больше четырнадцати.

Отличаясь сговорчивым характером, храбростью и добрым сердцем, он считал себя обязанным устранять все ссоры и недоразумения в веселых собраниях, затаенником которых всегда являлся он сам. Храбрый до самоотверженности, он бросался защищать своих друзей, когда видел их в опасности. Пьер пользовался симпатией и уважением всех окрестных детей; они смотрели на него как на предводителя и доверчиво следовали за ним, повинувшись его энергии.

Вот почему, когда Пьер предложил: «Пошли в лес за ягодами!», вся веселая толпа без малейших колебаний собралась и отправилась за ним.

Прибыв на место, они рассыпались во все стороны, и в продолжение целого часа слышалось эхо от их веселой переключки, громкого смеха и звонких песен.

По предложению Пьера, которому всегда приходили в голову очень удачные мысли, было решено, что каждый принесет все собранные ягоды в общую кучу, а потом, после дружного маленького пира все будет разделено по-братски.

Когда Пьер решил, что времени для сбора прошло достаточно, он, сложив рупором руки, дал свой особый сигнал, похожий на звук трубы. Все участники услышали его и направились к избранному Пьером месту, которое представляло собою маленькую лужайку на опушке леса. С одной стороны ее окаймляла большая дорога, спускающаяся с холма, а с другой стороны находилась каменистая гора, подножие которой было покрыто густым кустарником, а вершина увенчана развалинами старинного замка, известного в округе под названием «Совиная башня».

Такое название вполне подходило к этим руинам, потому что только ночные птицы обитали там. Деревенские кумушки часто вспоминали легенду, связанную с развалинами: будто бы каждую полночь, с двенадцатым ударом часов здесь появлялась одетая в кровавый саван тень прежнего, известного своею злобой владельца замка, который задушил свою мать и бросил ее труп в текущую по долине реку. Он был навеки осужден каждую ночь совершать путь от башни к реке и обратно сто раз в течение часа и тащить за собой тяжелые цепи. Некоторые даже уверяли, что встречали привидение, когда оно несло свое бремя и стонало, изнемогая под его тяжестью.

Как бы там ни было, но ночные птицы и предание создали башне такую страшную славу, что легковверные люди не могли без страха пройти мимо, особенно в сумерках или ночью, когда зловещий черный силуэт башни мрачно вырисовывался на темном небе.

Если уж башня внушала такой страх взрослым, то понятно, что среди детей, раз по сто слышавших этот мрачный рассказ, нельзя было найти ни одного, кто решился бы забраться

туда после наступления темноты. Но днем, когда весело сияло солнышко, когда не слышно было зловещих криков спрятавшихся сов, а только раздавалось звонкое пение жаворонков, когда башня, позолоченная солнцем, красовалась на фоне яркого голубого неба, никто и не думал об этих ужасах.

День был прекрасный, и дети, увлеченные прогулкой, были в самом радостном настроении. Они быстро собрались на зов Пьера, с нетерпением ожидая предстоящее развлечение.

Они застали своего друга Пьера, ягоды которого уже лежали на траве, за изготовлением чего-то вроде корзинки из веток: каждый должен будет положить в нее свою долю.

– Вот, смотрите, – сказал Пьер, – мы сложим сюда ягоды; сядем вокруг, возьмем вместо вилки длинные палочки, и каждый будет поочередно брать ягоды. Как весело будет!

– О, да, очень весело! – подхватили дети.

Пьер скоро покончил с устройством корзинки, и дети высыпали туда все, что у них было в руках, в карманах, в уголках поднятых блуз. Скоро взорам представилась весьма приятная и возбуждающая аппетит пирамида. Но только ребята собрались сесть вокруг нее, как поблизости раздался крик птицы, который привлек их внимание.

– Слушайте, – сказал Пьер, вставая, – это крик куропатки; наверное, ее гнездо где-то поблизости.

– Да, – ответил другой мальчик, – этот крик означает, что гнездо недалеко.

– Давайте поищем!

– Да, да, пойдёмте искать.

И в один миг все дети разбежались в разные стороны.

Они ищут, они осматривают каждое дерево... Беспокойный, испуганный крик птицы еще продолжается, постепенно удаляясь в глубь леса и увлекая ребят все дальше и дальше.

Вдруг крик прекращается... Но дети по опыту знают, что эта тишина только доказывает их близость к цели: очень часто случается, что инстинкт самосохранения заставляет птицу замолчать, когда она видит, что кто-то слишком близко подошел к ее гнезду. И дети увлеченно продолжают свои розыски.

Но вскоре становится ясно, что они тщетны.

– А, ладно! – решил наконец Пьер. – Оставим эту птицу вместе с ее гнездом! Она, похоже, просто посмеялась над нами. Посмеемся же и мы над ней и вернемся лучше к нашим ягодам.

– Да, давайте вернемся! – согласились разочарованные охотники и побрели обратно, к своей землянике. Но как только они приблизились к поляне, Пьер вдруг воскликнул испуганным голосом:

– Ах, Боже мой!

– Что случилось?

– Земляника!.. Земляника!

– Ну что же?

– Она исчезла! Украдена!

– О!..

2. Око за око

Вдруг один из мальчиков заметил идущую по дороге маленькую, очень бедно одетую девочку, которая, удаляясь, украдкой бросала взгляды в их сторону. Он указал на нее своим товарищам и крикнул:

– Это она украла нашу землянику!

– Да, это она!

– Ага! – воскликнул Пьер, бросаясь за девочкой. – Вот удовольствие, за которое она заплатит дороже, чем думала!

Он бежит, и разъяренная толпа следует за ним.

Но, услышав приближение погони, девочка останавливается и совершенно спокойно поворачивается к своим преследователям.

– Ах ты воровка! – крикнул Пьер, находясь в нескольких шагах от нее. – Это ты взяла нашу землянику! Мы сведем с тобой счеты!

– О нет, – нежным голосом, с достойной и спокойной улыбкой ответила малютка, – вы ошибаетесь.

И она молча указала на парня с толстой палкой и большой корзиной в руках, который, шагах в пятидесяти от них, спешил как можно скорее скрыться за поворотом дороги.

– Грибью! – Пьер тотчас узнал убегающего воришку. – Ты видела его, девочка? Да, это точно он. Мошенник! Это на него похоже. Живо, все за ним! И скорее, иначе упустим... Вперед!

– Бежим скорее! – закричали другие.

И вот все они бросаются вслед за Грибью. Пьер, как самый проворный, схватил его как раз в ту минуту, когда он, увидев погоню, вышел из кустов.

– Что же ты прячешь свою корзинку в кустах? – спросил Пьер, окруженный догнавшими его детьми.

– Я?... – робко пробормотал Грибью; несмотря на то, что он был по крайней мере на три года старше и на целую голову выше Пьера, Грибью пришел в сильное смущение, увидев его перед собой. – У меня не было никакой корзинки.

– Как не было? – повторил Пьер. – Мне кажется, что если как следует поискать, мы легко нашли бы ее. Пойдем, посмотрим.

И без дальнейших церемоний Пьер схватил Грибью за руку, собираясь затащить его в кусты. Грибью сделал жалкое лицо.

Но другие дети уже обыскали кусты и нашли корзинку. Грибью никак не мог отвертеться, потому что на дне корзинки, под земляникой, лежал шейный платок, который он обыкновенно носил.

Грибью понял, что дело его плохо, что все мальчики озлоблены против него, и начал соображать, как избежать неприятностей. Препятствий для бегства не было никаких, кроме соседства Пьера, который был занят корзинкой и выпустил его руку.

Подставив палку под ноги Пьеру, Грибью удалось ловким движением повалить его. Он уже бросился бежать, но Пьер, потерявший равновесие, не растерялся: он протянул руку, схватил Грибью за ногу, и тот тяжело упал на землю.

Прежде чем Грибью пришел в себя, Пьер уже стоял на ногах. Выхватив из рук врага палку и размахивая ею над его головой, он воскликнул:

– Ах ты мерзавец, ты думал, так легко убежать от нас! Нет, брат, от нас не уйдешь!

В это время вся толпа собралась вокруг Грибью, который, боязливо скорчившись, стоял на коленях перед своими обвинителями.

– Хотя наша земляника и найдена, – начал Пьер, – но все-таки ты хотел нас обокрасть, и за это тебя следует наказать.

Тут Грибью несколько осмелел:

– Чего вы от меня хотите? В чем вы обвиняете меня? Кто мне может запретить собирать ягоды в лесу?

– Это верно, – сказал Пьер, – ты их собрал, но только на траве, куда мы их положили, причем в корзинку, которую я сам сплел.

– Если даже я их и взял, – возразил Грибью, – разве я знал, кому они принадлежат?

– Во всяком случае, ты отлично знал, что это не твоя собственность, – живо ответил Пьер, – ты так хорошо знал это, что нарочно подражал крику куропатки, чтобы отвлечь нас.

– Я?..

– Да, ты. Впрочем, не знаю, зачем я теряю время и ищу доказательства.

– Но...

– Довольно! – воскликнул Пьер, с угрожающим видом размахивая палкой. – Преду-преждаю, если ты только сделаешь вид, что собираешься убежать, я ударю. Ты понял?

Потом, обращаясь к своим друзьям, он сказал:

– Теперь мы должны возместить себе ущерб; это дело нельзя так оставлять. Какому наказанию мы его подвергнем?

– Десять палочных ударов, – посоветовал один мальчик.

– Двадцать ударов, – сказал другой.

Каждый, в свою очередь, старался усилить наказание. Наконец Пьер сделал знак рукой:

– Подождите, у меня появилась хорошая мысль.

Грибью испуганно взглянул на него. Пьер продолжал:

– Если бы ему удалось завладеть нашей земляникой, он изрядно посмеялся бы на наш счет. Это ему не удалось, и теперь мы должны посмеяться над ним.

– Довольно! – воскликнул Пьер, с угрожающим видом размахивая палкой.

Предлагаю для него такое наказание: отнести землянику туда, где он ее взял, а чтобы дорога не показалась нам слишком длинной, пусть он все время подражает крикам животных, раз он так хорошо это умеет, начиная с куропатки.

– О, как здорово! Как это будет весело! – закричала толпа, хлопая в ладоши.

Тогда Пьер, подняв палку, грозно крикнул:

– Ты слышал, Грибью? Итак, не заставляй себя просить. Бери корзинку и вперед! Да с криком куропатки... Ну, давай скорее!

– Хорошо, – сказал Грибью, пытаясь изобразить на лице улыбку, – я принимаю это за веселую шутку.

– Да, – возразил Пьер, – но это для нашей забавы; хорошо, если тебе так же смешно, как нам. Начинай же, или...

И Пьер стал вертеть палкой над головой Грибью. Тот начал кричать как птица, которую назначил Пьер.

– Как здорово! Очень похоже! – кричали дети, со смехом следуя за наказанным Грибью.

– Да, очень хорошо, – ответил Пьер, – а теперь давай как лягушка, я знаю, что ты отлично умеешь квакать.

Грибью принялся квакать, как настоящая обитательница болот, – к величайшему удовольствию шумной толпы.

– А теперь подражай ослу! – приказал Пьер.

Грибью беспрекословно повиновался, и в долине раздалось эхо прекрасно исполненного «И-а», сопровождаемого взрывами хохота.

– А сейчас, – сказал Пьер, – мы хотим услышать рев коровы.

– Коровы? Но я не умею, – робко ответил Грибью.

– Что? Значит, ты не хочешь, а не хочешь ты не имеешь права, слышишь, ты? – с угрозой произнес Пьер. – Ну, не заставляй себя ждать, а иначе – берегись!

Грибью, или действительно не умевший реветь коровой, или не желавший подчиниться приказанию, не торопился. Пьер уже замахнулся палкой...

Но в этот миг угрожающее оружие было вырвано из его рук, и изумленный Пьер услышал рядом с собой тоненький голосок:

– Это гадко, это скверно, что ты делаешь, что вы все делаете. Вас так много против одного. Не стыдно вам так мучить того, кто, наверное, просто хотел подшутить над вами? Ведь это я вам сказала, что он взял вашу землянику; я вам его и показала, а то бы вы его и не увидели.

– А, это ты, – глухо пробормотал Грибью, искоса взглянув на девочку.

– Если бы, – продолжала та, не обращая внимания на его замечание, – если бы я знала, что вы такие злые, я лучше смолчала бы и согласилась, чтобы вы сочли воровкой меня.

На Пьера упрек девочки произвел сильное впечатление.

– Ты сказала, что мы злые, – перебил он ее, – и эти слова относятся скорее ко мне, чем к другим, потому что ты видела, как я замахнулся палкой, и думала, что я ударю этого труса. Но ты ошибаешься! Ты сама видишь, что мы не были жестоки к нему, но в его мошенничестве ты можешь убедиться. Хочешь, я докажу тебе?

С этими словами Пьер взял корзинку из рук Грибью и передал ее одному из товарищей, затем оттащил его шагов на десять в сторону и, встав перед противником со скрещенными на груди руками, произнес:

– Теперь мы один на один – никто не посмеет подойти, что бы ни случилось! Ты больше и сильнее меня, но мне все равно! Если у тебя есть хоть малейший повод в чем-либо упрекнуть меня, скажи, я готов ответить. Докажи, что я был неправ, называя тебя трусом!..

И Пьер храбро ждал ответа.

Но Грибью только пренебрежительно пожал плечами и сказал:

– Я не привык драться с младшими.

– Вот как! Тебе приятнее, когда бьют тебя, так, что ли?

Грибью ничего не ответил и, сделав надменное движение головой, удалился. Отойдя шагов на десять, он обернулся и дрожащим от злости голосом произнес:

– Прощай, Пьер! Ты еще вспомнишь сегодняшнее приключение! И я тоже его не забуду, нет!.. Что же касается тебя, милая, – с угрозой прибавил он, обращаясь к маленькой девочке, – с тобой мы еще увидимся!..

3. Гостья

– Ну что? Ты видела, ты слышала? – обратился Пьер к девочке, оставшейся посреди толпы. – Вот как он угрожает нам – и тебе, и мне! Этот трус, этот хитрец действует так, что к его словам вроде бы никак нельзя придаться. Ты его освободила от наказания, которое он заслужил; ты думаешь, он благодарен тебе? Нет, он только помнит, что попался в наши руки благодаря тебе. Что касается меня, если бы он только мог увидеть меня беззащитным, связанным по рукам и ногам, то мне досталось бы!

– Очень может быть! – с грустным и озабоченным видом ответила девочка.

И, наклонив голову в знак прощания, она направилась к видневшейся в долине деревне.

Глядя ей вслед, дети в недоумении спрашивали друг друга: «Кто это? Откуда она и куда идет?»

Никому из них не приходилось встречаться с этим худеньким существом; оно поразило их своим болезненным видом и жалкой одеждой, которые никак не сочетались с необыкновенным лицом девочки.

На вид ей едва можно было дать десять лет. Она была худа и бледна; но эта худоба, эта бледность придавали еще большую выразительность ее огромным темно-синим, кротким и в то же время пронзительным глазам. Вся ее одежда состояла из плохонького, вылинявшего ситцевого платья. Оно было покрыто заплатками, в некоторых местах разорвано и так коротко, что едва покрывало колени. Слишком узкие рукава были отрезаны у локтей. Шея была повязана старым потертым платочком. Ее голые, покрытые пылью ноги были обуты в сношенные деревянные башмаки. Роскошные волосы на непокрытой голове девочки составляли резкий контраст с ее жалким видом. Шелковистые, вьющиеся, они были цвета спелого колоса; тщательно разделенные на лбу на две золотистые пряди, они спускались длинными локонами ниже пояса. При ходьбе она грациозными движениями головы невольно встряхивала эту роскошную ношу, это прелестное украшение; можно было подумать, что она бессознательно получает от этого удовольствие.

Девочка была уже на некотором расстоянии, когда Пьер, который рассматривал ее более внимательно, чем другие, бросился вслед за ней. Он быстро догнал девочку и произнес:

– Подожди немного, не уходи! Очень может быть, что этот скверный Грибью скрылся где-нибудь поблизости и собирается отомстить тебе. Подожди, мы тебя проводим.

– Ничего! – ответила она, пожимая плечами.

– Неужели ты его совсем не боишься? – спросил Пьер, к которому уже успели присоединиться товарищи.

– О! Еще и не таких приходилось видеть! – с кроткой уверенностью сказала девочка.

– Как это?

– Слишком долго рассказывать. Мне нужно торопиться.

– Торопиться? Куда?..

– В ту деревню.

– Но ты не живешь в деревне; мы тебя не знаем. Ты ведь не здешняя?

– Нет.

– Тогда, может быть, ты идешь к родственникам?

– У меня нет родственников.

– Нет родственников! – повторили дети, изумленно глядя друг на друга.

– Но тогда?.. – удивленно проговорил Пьер, с любопытством разглядывая маленькую девочку.

– Ну вот я и иду туда, чтобы пристроиться где-нибудь. Если меня никто не захочет взять, я надеюсь еще до наступления ночи попасть в другую деревню. Вот почему мне не хочется задерживаться. Прощайте!

И она приготовилась продолжить свой путь. Но Пьер опять загородил ей дорогу и сказал:

– Не беспокойся, ты найдешь себе приют.

А затем прибавил дружеским тоном:

– Скажи, милая, ты, наверное, пришла издалека?

– Да, очень.

– Значит, ты устала?

– Ничего, – ответила девочка с простодушной улыбкой, – не слишком.

– Не слишком, но, похоже, изрядно, – с живостью сказал Пьер, нежно взяв девочку за руку, – поэтому останься еще немного с нами, ты нуждаешься в отдыхе. К тому же ты должна попробовать нашей земляники – ведь мы нашли ее благодаря тебе. Ты ведь не откажешься, а то мы будем считать тебя слишком гордой. Не правда ли, друзья?..

– Конечно! – дружно подтвердили остальные, следуя за девочкой, которая послушно шла рядом с Пьером.

– Сядь, – предложил Пьер, когда они подошли к дереву с удобным, покрытым травой бугорком у подножия. – Кроме лесной земляники мы можем предложить тебе еще хлеб.

– Да, да, вот!

Сразу пять или шесть рук поднялись и показали несколько кусков хлеба.

– Если тебе хочется пить, – продолжал Пьер, – вода недалеко.

И он показал на ручеек, вытекавший из источника поблизости от Свиной башни.

– Хорошо, спасибо! – сказала девочка. Она уселась и весело обводила детей глазами.

Пьер и его товарищи, довольные, что она так охотно приняла их приглашение, наперебой старались угодить гостье.

Корзинку поставили к ее ногам, рядом положили куски хлеба. Пьер заострил несколько палочек из орешника, дал ей самую тонкую и сказал, как бы выражая вслух ее затаенные мысли:

– Ты пойдешь с нами, и не один, а десять домов с радостью примут тебя.

– Да! Конечно! – подхватили дети, составившие полукруг около девочки.

Когда все уселись и взяли в руки палочки, приготовленные Пьером, он сказал, обращаясь к девочке:

– Поешь, пожалуйста.

– Хорошо, а вы? – спросила она.

– О! Мы не голодны!

С этими словами Пьер подмигнул своим товарищам, которые, конечно, поняли этот знак и все сразу, как будто подчиняясь приказу, воскликнули:

– Нет, нет, мы не голодны!

После недолгого молчания девочка откровенно призналась:

– Ну да, вы угадали, я уже давно не ела и с удовольствием отведаю вашего хлеба.

И, решительно протянув руку, она продолжала:

– Дайте мне самый большой кусок. Видите, я вовсе не горда, – и она засмеялась, откусывая своими маленькими белыми зубками большой кусок хлеба, – вы ведь от души угощаете меня, не правда ли?

– О да! Конечно! – прозвучало в ответ.

– Тогда глупо было бы не поесть, потому что я действительно голодна... Но знаете, мне всего этого много, я столько не съем, нет, нет. Вы хотите, чтобы я взяла и земляники?

С удовольствием. Посмотрите, какую большую горсть я себе положила. Мне теперь достаточно, спасибо!

– Вы угадали, я уже давно не ела и с удовольствием отведаю вашего хлеба, – откровенно призналась девочка.

– Тогда и мы приступим к завтраку, – скомандовал Пьер.

Оставшийся хлеб разделили; корзинку поставили на самом удобном месте, и она превратилась в мишень для маленьких деревянных палочек, которые в руках ребят то опускались, то поднимались, окрашенные в багровый цвет...

И сколько было веселья!..

Но Пьер почему-то не смеялся. Маленькая девочка заметила, что он, задумчиво глядя на нее, забыл в свою очередь взять землянику.

– Поешь же и ты, – сказала она ему.

– Я ем, ем! – и Пьер машинально протянул свою палочку к корзинке, но ничего не взял.

– О, я знаю, почему ты на меня так смотришь! – вдруг сказала девочка.

– Почему?

– Потому что тебя мучает любопытство, тебе хочется знать, откуда я, как меня зовут и как я сюда попала.

– Верно, – согласился Пьер.

– Боже мой! Я не вижу ничего плохого в таком любопытстве и охотно расскажу вам все. Тем более что вы обещали помочь мне пристроиться, и вам необходимо узнать, кто я, чтобы рассказать, если вас об этом спросят.

– Ну да, конечно!

– Хорошо, но только дайте мне доесть хлеб, – прибавила девочка с шаловливой улыбкой.

И когда она уничтожила корку, хрустевшую на ее зубах, водворилась полная тишина, словно все боялись пропустить хоть одно слово из ее рассказа.

4. Рассказ

– Мне двенадцать лет, – начала девочка.

– Двенадцать лет! – повторил Пьер, тогда как его товарищи изумленно посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: возможно ли это?

– Да, – сказала она, – мне исполнилось двенадцать лет в день святого Иосифа. Я знаю, что слишком мала и худа для моих лет, но это ничего не значит, я гораздо сильнее, чем кажусь на вид.

Девочка выпрямилась и сжала пальцы, как бы стараясь придать большую правдоподобность своим словам.

– Да, пожалуй, – любезно подтвердил Пьер; остальные дети взглядами подтвердили свое согласие.

Она продолжала:

– Меня зовут Мари Клозель.

– Хорошее имя! – заметил Пьер.

– Ты находишь? Тем лучше. Я из Вардье.

– Это далеко?

– Надо идти оттуда полдня, чтобы попасть в город.

– Как и отсюда.

– Да, но с другой стороны.

– Твой отец живет в Вардье? – спросил один из мальчиков.

– Мой отец уже давно умер. Я его совсем не помню.

– Как и мой, – сказал Пьер. – А твоя мать?

– Моя мать тоже; но всего год тому назад... И мне этого никогда не забыть, – грустно сказала девочка, склонив голову.

– Значит, у тебя никого нет?

– Нет, у меня есть брат... Я думаю, он жив, но не знаю, где он. Если б я знала, где, то отправилась бы к нему. Он очень любил меня. Он не оставил бы меня в беде. Но я не знаю... Он уехал, и с тех пор я не получала о нем никаких известий.

– Как же так? – удивился Пьер.

– Подожди, я сейчас все объясню. Мой брат был большой, на десять лет старше меня. Он работал в разных местах и отдавал все деньги матери, так что мать мне всегда говорила: «Видишь, какой добрый наш Андре; надо его любить (и я его очень любила!), и если меня не станет, слушайся его во всем, потому что он заменит тебе отца». И я ей отвечала: «Не беспокойся, мама. Я буду его слушаться». И знаете, если бы он был со мной, я бы обязательно его слушалась, потому что обещала это моей маме. Но Андре часто грустил, а мама плакала, видя его печальным. Я помню, что она его спрашивала: «Почему ты так горюешь?» Он отвечал: «Потому что мы слишком нуждаемся!» Мать удивлялась: «Так чего же нам не хватает?» Он отвечал: «Можно ли надеяться разбогатеть, обрабатывая чужую землю?» Мать говорила: «Зачем думать о богатстве, помоги мне только воспитывать твою сестру; потом ты женишься...» «Нет, – возражал он, – в один прекрасный день я совершу безрассудный поступок – я уеду, не знаю куда, разбогатею... потом вернусь и осчастливлю вас обеих». «Брось эти мысли! – сказала мама. – Поцелуй его, Мари, чтобы у него исчезли эти мысли». И мы целовали его так, что он наконец сказал: «Все, теперь я успокоился». Но на самом деле эти мысли довели его до того, что в один прекрасный вечер он не пришел домой и попросил одного человека передать матери, что он вернется богатым или совсем не вернется... И он не вернулся.

– Наверное, это причинило много горя твоей матери? – спросил Пьер.

– Да, она всегда плакала. От этого она и захворала, да так, что не могла больше работать. Я попробовала зарабатывать. Но как? Я была слишком мала. Время от времени я приносила несколько грошей. Мама всегда лежала в постели, и у нас часто не было хлеба. Она говорила мне: «Мари, никогда не надо просить милостыню; надо работать; хлеб, данный из милости, не сладок...» Потом она заставляла меня читать молитвы за нашего Андре, которого продолжала горячо любить. Мама говорила мне еще: «Когда он вернется (потому что я точно знаю, что он вернется), не упрекай его, люби его, делай все, что он прикажет, скажи ему, что я не сердилась на него, что я всегда его благословляла». И вот однажды вечером, когда она долго говорила мне про Андре, но таким слабым голосом, что я едва могла слышать, она закрыла глаза, целуя меня... Пришли соседки и увели меня с собой... На другой день ее отнесли в церковь в белом ящике, а меня одели в черное... Потом все пошли на кладбище... И меня не повели домой спать... Я плакала, потому что понимала, что мать умерла, что ее положили в землю и я ее больше не увижу. Меня уговаривали: «Не плачь!», но я все продолжала плакать...

– Бедняжка!.. – вздохнул Пьер.

– Потом, – продолжала девочка, – соседки стали переговариваться между собой: «Что нам делать с этим ребенком?» Я им сказала: «Дайте мне место пастушки или прислуги, и вы увидите, что мною будут довольны; вы увидите, я буду хорошо работать, я буду покорной, благоразумной...» Я твердо помнила, что мать меня всегда учила работать, чтобы зарабатывать деньги. Соседки сказали: «Да, это хорошая мысль!», но куда меня не определили, потому что одна сказала: «А если бы мы дали знать ее двоюродной сестре Мариетте, которая живет в городе, что малютка осталась сироткой? Она ее крестная мать, может быть, она согласилась бы взять ее к себе? Да, надо ей сообщить».

Почтальона попросили передать ей о случившемся несчастье, и так как двоюродная сестра согласилась меня взять, то он увез меня к ней. Это была добрая женщина. Она жила в городе, в маленькой комнатке, высоко-высоко; надо было подниматься, подниматься без конца, а как, бывало, выглянешь из окна, голова так и закружится.

Кузина Мариетта встретила меня словами: «Я должна тебе сказать, моя дорогая, что я не богата; но это все равно, если ты будешь разумна, все пойдет хорошо, и мы обе будем довольны», и это она верно сказала. О, какая она была добрая! Она заботилась обо мне, как мать, на которую была очень похожа, даже говорила и думала как она... Мне даже иногда казалось, что я вижу перед собою мою маму. Вот, например: мать любила, чтобы я носила распущенные волосы, вот так, – тут Мари провела рукой по своим густым волосам. – Она находила, что так красивее, и когда соседки посмеивались и находили это странным, она отвечала: «Что вам за дело? Мне так нравится». Она всегда ухаживала за моими волосами. Ей доставляло наслаждение расчесывать и приглаживать их. И представьте себе, – прибавила девочка, гордым и свободным движением встряхивая свои густые волосы, золотистые волны которых на мгновение закрыли ее личико, – я всегда любила это. Когда мои волосы не в порядке, меня это беспокоит, мне кажется, что я связана, что голова у меня тяжелая и болит.

Но вот, когда меня отправили к кузине Мариетте, женщины сказали, что распущенные волосы придают мне ужасный вид, и заплели их; это меня очень стесняло, мне даже было больно, но я терпела.

Утром, после того как я в первый раз ночевала у кузины Мариетты, она сказала мне: «У тебя хорошие волосы, надо их причесать». Она распустила их и воскликнула, когда они рассыпались во все стороны: «Ты непременно должна оставить их так, потому что это делает тебя очень красивой». Я ей сказала: «Мать любила, когда я их носила так». Мариетта ответила: «Тем более оставим так». И с тех пор она расчесывала и приглаживала их каждое утро, и мне это очень нравилось.

Она шила целыми днями и даже поздно вечером. Она и меня учила шить, а за работой рассказывала мне разные истории и пела духовные песни; и я пела с ней. Несколько раз она брала меня с собой, когда ходила отдавать работу; потом она стала посылать меня одну, строго наказывая мне не останавливаться на улицах; и я не останавливалась никогда и старалась как можно скорее вернуться домой. Я также ходила за провизией, вела маленькое хозяйство, варила суп, подметала в комнате, пока моя крестная работала. Она меня никогда не бранила. Правда, я ей во всем повиновалась. Иногда она говорила мне: «Тебе, должно быть, очень скучно в этой комнате, бедняжка, тем более что ты привыкла жить на открытом воздухе! Но ты должна понять, что я не в состоянии гулять с тобой (это была правда, потому что она хромала и ходила с палочкой), а одну я тебя не могу отпустить». Я ее уверяла, что мне не скучно, потому что это огорчило бы ее; но, по правде сказать, мне порой так хотелось побегать; я часто смотрела на небо, на чудное солнце, блестящее на крышах домов, и думала: «Ах, как хорошо было бы побегать на наших полях!» Каждое воскресенье мы с кузиной Мариеттой ходили к обедне и к вечерне; потом мы возвращались домой и смотрели из окна на прохожих, разговаривали о моей родине, о матери... Нам было хорошо вдвоем.

Однажды вечером, когда мы спокойно работали при свете лампы, она вдруг прошептала: «Боже, что со мной!» и упала со стула. Я хотела поднять ее, но не хватило сил. Она была неподвижна и не говорила ни слова... Мне стало страшно, я кричала и плакала. Потом пришли люди, мужчины, женщины... Кузину Мариетту положили на постель. Мне хотелось остаться с ней, но меня увели. И так же, как в день смерти матери, меня положили спать в другой комнате.

Утром я захотела увидеть кузину Мариетту, но мне сказали: «Не ходи лучше». – «Почему же?» – «Потому что...» Потом меня опять повели на похороны, как после смерти матери. И опять люди говорили: «Куда бы пристроить малютку?..» Внизу жил толстый господин, он содержал столовую. Он сказал: «Если она хочет, я ее возьму в прислуги». Я помнила, как мать и кузина Мариетта говорили мне, что надо трудиться, чтобы зарабатывать на хлеб. Я согласилась пойти к нему. Он увел меня с собой и сразу же приказал мне мыть посуду, полоскать стаканы и прислуживать ремесленникам, которые приходили сюда обедать... Вот тут-то уж голова не кружилась, потому что помещение находилось в подвале, и туда надо было спускаться по лестнице. И зала, и кухня, где я мыла посуду, освещались лампами, так как дневной свет не проникал сюда. По крайней мере, солнце и хорошая погода здесь не манили меня на улицу.

– И это все, что было хорошего? – грустно сказал Пьер.

– Да, – ответила Мари, – у дяди Мишара была тяжелая рука, и он не очень-то церемонился... О! Он умел бить.

– Злой человек! Он бил тебя?

– Не то чтобы злой; но почти каждый вечер, когда он напивался то с одним, то с другим гостем, разгоряченный вином, он ничего не приказывал без того, чтобы не ударить.

– И все-таки ты осталась у него?

– Что же мне было делать? Я зарабатывала свой хлеб. Работники, приходившие сюда поесть и выпить, обходились со мной довольно любезно. Благодаря волосам, которые дядя Мишар позволял мне носить как сейчас, они меня прозвали «маленькой жницею», потому что цвет моих волос напоминает колосья. Со мной обращались ласково. Хотя дядя Мишар и бил меня, но на другое утро он старался лаской загладить свою вину и протягивал мне руку в знак перемирия.

Одним словом, было сносно. Так продолжалось месяца три. Но однажды вечером, когда я, по его мнению, недостаточно быстро вытерла стол, дядя Мишар поступил со мной еще хуже. Он схватил меня за плечи, ударил головой об стену и убил бы меня, если бы рабочие не прибежали мне на помощь. Он был пьян вдребезги... Когда меня увели, то я слышала,

как он кричал: «Уведите ее! Я не хочу больше ее видеть, эту лентяйку, которая даром ест и ничего не делает! Или я задушу ее!»

– И ты смеешься, рассказывая это! – удивился Пьер.

– Да, потому что мне, право, было смешно в ту минуту. Я отлично знала, что не была лентяйкой. Что касается еды, то я, по правде сказать, всегда ела досыта, потому что дядя Мишар не был жадным.

– Еще не хватало, чтобы этот пьяница отказывал тебе в пище! – сказал Пьер.

– Подожди, ты увидишь, что было дальше. Этот случай наделал шуму во всем доме. Все стали говорить, что мне нельзя больше оставаться у дяди Мишара и что меня надо поместить в другое место. Меня оставили у него два дня, потом отвели к одной старушке, которая держала маленькую лавочку. Моя обязанность была поддерживать чистоту в лавке и помогать по хозяйству. Мне это не было трудно. Я так много работала у дяди Мишара, что мне казалось, здесь я весь день ничего не делаю. Я просто страдала от безделья. А самое неприятное, что эта дама не могла видеть мои волосы распущенными. Она завязала их узлом и заставила носить так. Ах, это для меня было настоящей пыткой!.. Ночью, когда она спала, я их потихоньку распускала, чтобы хоть ненадолго почувствовать себя свободнее... Но я все переносила, чтобы прокормить себя, хотя, по правде сказать, я часто голодала.

– Вот еще! – воскликнул Пьер. – Значит, она не давала тебе есть?

– Если и давала, то ровно столько, сколько ела сама, а ей очень мало надо было! Утром мы пили холодное молоко, по полстакана каждая, и закусывали коркой хлеба, размером с мои два пальца. В полдень мы съедали двойное количество хлеба с маленьким кусочком сыра, в самом лучшем случае еще яйцо всмятку. А вечером – то же самое, что утром: холодное молоко и корка хлеба.

– И ты никогда ей не жаловалась, что голодна? Ведь тебе же, наверное, все время хотелось есть.

– Да, действительно я была голодна; но я боялась рассердить ее. По вечерам у меня просто горело в груди, я чувствовала себя очень плохо; но я пила воду – хоть в этом она мне не препятствовала – и шла спать; во сне боль проходила.

– И ты долго выдержала у нее?

– Немного меньше, чем у дяди Мишара, – два с половиной месяца.

– Не думаю, что ты очень потолстела за это время!

– Еще бы! Человек, который привел меня к старушке, проходил иногда мимо лавочки и каждый раз говорил ей: «Странно, какая она худенькая и какая бледная!» и спрашивал меня, не больна ли я; я ему отвечала: «Нет»; а если бы я была недовольна, то отвечала бы ему: «Да».

– Нельзя сказать, что ты была слишком взыскательна!

– Но, Боже мой, старушка ведь относилась ко мне очень хорошо! Она меня никогда не била и работы у нее было очень мало.

– Но она тебя заставляла умирать с голоду.

– Нельзя же иметь все сразу.

– Ну, так что, ты ее наконец оставила?

– Да, я была вынуждена. Одна дама однажды накупила множество вещей в нашей лавочке; я их отнесла к ней. В благодарность она мне дала несколько сантимов. Возвращаясь от нее, я увидела в окне булочной прекрасную булку. Деньги по праву принадлежали мне, и я купила булку. А так как я очень боялась опоздать, за что мне попало бы, я и поторопилась съесть булку по дороге... Ах, какой вкусной показалась она мне! Как давно мне не приходилось есть что-нибудь с таким удовольствием! Но случилось так, что хозяйка увидела меня в конце улицы с последним куском в руках! Она разговаривала с двумя женщинами перед лавкой. Я прихожу. Хозяйка спрашивает: «Что за хлеб ты ела?» Я ей все рассказала. Она пришла в страшный гнев: «Что ты говоришь, несчастная? Что ты была голодна? Слышите

ли вы? Ведь можно подумать, что я ей отказываю в еде!..» Я сказала: «Нет, нет! Это было не так! Булка была такая поджаристая, такая заманчивая, и я ее купила на деньги, которые мне дали». «Вы слышите эту маленькую лакомку! – закричала хозяйка. – Она хочет осрамить меня, распустить обо мне дурную славу! Прочь отсюда, дурочка! Прочь, бесстыдница, лгунья!». «Лгунья?» – повторила я. «Да, – сказала она, – кто даст ей деньги на хлеб? Она, наверное, выпросила их. Уходи, нищенка, уходи!» Я ответила: «Хорошо, я уйду!»

И я ушла. Я могла терпела голод, но позволить называть себя лгуньей, тогда как я никогда не врала, и нищенкой, тогда как я никогда не просила милостыни, помня завещание матери, было выше моих сил.

Я отправилась к даме, которая дала мне деньги, и все ей рассказала. Она меня подробно расспросила о моей жизни у торговки. Потом она пошла и поговорила с мужчиной, жившим в том же доме, где кухня Мариетта, который отвел меня к лавочнице. В ожидании нового места она оставила меня у себя. Ах, если бы можно было пробыть у нее подольше!..

У нее возникла мысль отдать меня в учение, и скоро она нашла мне новую хозяйку.

Я должна была стать портнихой. Там было три работницы. Я была довольна, что научусь какому-нибудь ремеслу. Хозяйку мою звали мадам Жак; ее муж был слесарь. У нее было трое детей. Мальчик был уже большой и работал со своим отцом. И была еще девочка. Бедняжка, она не могла ходить. Говорили, что у нее отнялись ноги. Она даже не могла встать со стула. Еще там была другая девочка, совсем маленькая, с которой надо было гулять под деревьями на площади. Как только она доедала суп, сейчас же говорили: «Мари, иди на площадь, погулять с маленькой». И я уходила до самого обеда. После обеда опять. Вечером ее надо было качать целыми часами. Боже мой! Я ухаживала за ней, как могла, но мадам Жак никогда не бывала довольна... А мальчик был злой, он всегда устраивал надо мной злые шутки или бил меня, когда никто не видел. Он разбивал вещи и сваливал вину на меня; меня ругали, наказывали, посылали спать без ужина. Муж иногда звал меня в мастерскую раздуть мехи. Когда у меня не хватало сил, он бил меня кулаком в спину! Здесь мне тоже не позволяли носить волосы распущенными. Это было тяжело. Когда я причесывалась, злой мальчик дергал меня за волосы, да так сильно, что я кричала от боли. Маленькая, беспомощная девочка, которую я кормила, тоже мучила меня. Она меня била, царапала, плевала мне в лицо. Я не смела жаловаться, потому что мадам Жак прибила бы меня за то, что я так худо отзываюсь о ее дочери, которая, по ее словам, была так мила...

Вот как я училась шить платья. Я провела там четыре месяца и ни разу не взяла в руки иголки.

– Тебе следовало пожаловаться даме, которая привела тебя на это место, – сказал Пьер.

– Эта дама однажды пришла и спросила, довольны ли мной хозяева. Посыпались упреки: у меня обнаружилась куча недостатков. Дама казалась очень рассерженной. Я стала плакать. Тогда она сказала: «Видите, она раскаивается и постарается измениться к лучшему; простите ее». Что могла я на это ответить? Когда она ушла, я все-таки сказала, что не заслужила таких упреков... Надо было видеть, как набросились на меня жена, муж и мальчик, как они кричали, смеялись надо мной и ругали меня. Чтобы проучить меня за наглость, мне не дали ужина и заставили спать на лестнице. Понятно, что с тех пор у меня пропала всякая охота жаловаться.

Когда дама снова пришла, ей сказали, что я переменялась к лучшему. Она меня похвалила; мне позволили ужинать и спать на моей постели; правда, весь ужин состоял из куска хлеба, а постелью служил соломенный тюфяк в сарае.

Надо было терпеть. Я терпела, потому что вне дома, когда я гуляла с девочкой, меня никто не ругал; когда я терпеливо переносила толчки больной и побои отца, меня оставляли в покое.

А в мальчике просто сидел какой-то бес против меня. Он старался причинять мне всякие гадости, какие только мог выдумать. Он мочил мою кровать, рвал мои платья, прятал мои башмаки; все это сваливали на меня, а он от души смеялся над моими слезами, когда меня били или лишали хлеба в наказание. Однажды я возвращалась с маленькой девочкой домой; отец поджидал меня у двери с розгой в руке, а мальчик стоял рядом с ним и уже заранее радовался наказанию, которое я должна была получить, наверное, за какую-нибудь его очередную злую выходку. Но так как я знала, что ничего дурного, по крайней мере сознательно, не сделала, то я подумала: «Нет, не пойду туда. Не хочу, чтобы меня били. Я уйду и не вернусь! Я больше не вынесу такой жизни!»

Я поставила девочку на землю, прислонила ее к стене и, крикнув отцу: «Возьмите ее!», со всех ног бросилась бежать к городским воротам.

Бежали они за мной или нет, я не могу сказать. Я спряталась за кустом и, плача о своей горькой участи, сказала себе: «Что мне теперь делать? Куда идти? Вернуться к доброй даме и все ей объяснить?» Она отправила бы меня обратно к мадам Жак. Опять пошли бы объяснения. И я снова должна была бы переносить обиды и побои. Нет, я решила не возвращаться к той даме...

Солнце весело сияло. Я видела перед собой большое поле, деревья, рожь, горы, дороги, летающих птиц. Я вспомнила, что мы с почтальоном прибыли в город с этой стороны.

Я подумала, не вернуться ли мне в деревню. Но нет. В городе наверняка узнают, где я, и пошлют за мной. А возвращаться в город я не хотела ни за что: слишком много горя мне пришлось там перенести. Наконец я решила: «Пойду я куда глаза глядят, далеко-далеко, чтобы меня никто не смог найти; выпрошу себе место и посмотрю, так ли плохо мне будет, как у первых трех хозяев».

Я поднялась и пошла вокруг города, пока дорога, ведущая в деревню, не скрылась из вида. Солнце служило мне проводником. Потом я попала на большую дорогу и шла по ней до вечера...

– И ты ничего не ела? – спросил Пьер.

– Я по дороге ела зернышки из колосьев, это было очень вкусно. Кроме того, я распустила волосы, что меня привело в самое радостное настроение.

Мари со всех ног бросилась бежать к городским воротам.

– А где же ты ночевала?

– Нигде, я была еще недостаточно далеко от города; меня могли найти и отправить назад. Ночь я провела в маленьком густом лесочке; я легла на траву под деревом, помолилась, вспоминая маму, кузину Мариетту, а также брата Андре...

– И ты не боялась?

– Да, немного – вначале, потому что было очень темно... Вдруг сквозь ветви я увидела чудную, ясную, сверкающую звезду, которая как будто двигалась. Я смотрела на нее, и мне казалось, что она тоже смотрит на меня... Я сказала про себя: «Не Ангел ли Божий смотрит на меня, чтобы я не боялась?..» Тогда я стала молиться этой звезде: «Прекрасная звезда! Посмотри на меня хорошенько: я не злая, не лгунья, не лентяйка; меня только заставляли много страдать, и я ушла, но я буду хорошей, буду работать, я не буду просить милостыню». Звезда как будто улыбнулась мне. Мой страх прошел. Мне казалось, что уже настал день...

И больше я ничего не помню. Меня одолел сон.

Утром выпала роса, и мне стало холодно. Это меня и разбудило. Тогда я встала, очистила волосы от травы и мха и продолжила свой путь, отдыхая время от времени. Когда я оказалась на возвышенности, откуда были видны поля и деревни, я решила: «В первой же деревне, куда приду, я попрошу себе работу. Если не получу там, пойду дальше, в другую деревню».

И вот я встретила вас и по вашей просьбе осталась с вами.

Вот и все!

5. Жребий

– А теперь, – сказала девочка, вставая, – вы ведь пойдете со мной, не правда ли? Вы обещали мне помочь пристроиться.

– Да, не беспокойся, – дружно ответили дети.

– Пойдем со мной! – сказал один. – Мой отец возьмет тебя в пастушки.

– Мой дядя, хозяин кабачка, давно уже ищет девочку в прислуги, – перебил другой.

– А моя двоюродная сестра – метельщица, она научит тебя своему ремеслу, – добавил третий.

– Нет, – сказал Пьер, – самое лучшее для тебя пойти со мной; моя мать очень добрая женщина, ты увидишь. Она прачка, занимается стиркой белья; она и тебе даст работу.

– Ты думаешь, – возразил один из старших мальчиков, – что она может своими маленькими ручками стирать белье?

– Маленькой девочке больше подходит прясть, чем пасти баранов или прислуживать в трактире...

Короче говоря, Пьер, похоже, переоценивал свое влияние: не только его слова, даже его намерение возбудили живейший протест в кругу товарищей. Но и между ними начались разногласия, так как каждый считал себя вправе покровительствовать гостье.

А гостья, послушав их спор, сказала:

– Да перестаньте же, наконец!

– А вот он говорит...

– А вот он утверждает...

– Вот шуму-то! – со смехом воскликнула девочка. – Хотите, я вам посоветую, как выбрать, с кем мне пойти?

– Да! Конечно!

– Киньте жребий.

– Правда! Вот это умно.

– И я даже сама приготовлю соломинки. Сколько вас?

Они стали считать друг друга, но Мари уже успела сделать это раньше и стала собирать соломинки.

Пьер озабоченно смотрел на нее: ему казалось, что находка, которой он так радовался, ускользает из его рук.

– Погодите, не смотрите! – сказала девочка, поворачиваясь к ребятам спиной и пряча в руке соломинки, подготовленные для жребия.

– Готово, давайте! – позвала она мальчиков, протягивая им зажатые в кулачке соломинки. – Самая длинная выигрывает.

– Да, да, мы согласны!

Розыгрыш начался.

Тот, кто вытаскивал довольно длинную соломинку, радостно кричал:

– Я выиграл! – а потом понимал, что его соломинка не самая длинная, и огорченно отходил в сторону.

А кому попадалась короткая, вздыхал:

– Счастье сегодня не на моей стороне!

Но пока в руках Мари оставались соломинки, ничего еще не было известно. Когда подошел Пьер, у нее осталась одна только соломинка; рука мальчика тряслась от волнения, тем более что он заметил на лице девочки лукавую усмешку, которая, как ему показалось, говорила: «Как я довольна, что он не выиграл!»

Мари позвала мальчиков, протягивая им зажатые в кулачке соломинки.

Наконец он с унылым видом взялся за кончик соломинки; но по мере того, как он тянул, маленькая ручка раскрылась и глазам его представилась длинная-предлинная соломинка... Самая длинная!

– Я выиграл! – воскликнул он с непритворной радостью, размахивая над головой символом своей победы. Только теперь он понял, что ошибся: улыбка девочки говорила, как она рада, что случай благоприятствовал Пьеру и его жребий оказался счастливым. Но был ли это просто случай? Некоторые из ребят подумали, что плутовка нарочно устроила так, чтобы Пьеру попала счастливая соломинка.

Как бы там ни было, но Пьер выиграл, а товарищи любили его настолько, что подавили в себе зависть и подозрения; все примирились с его удачей, и никто не собирался оспаривать его права.

– Пойдем! – сказал он девочке, взяв ее за руку.

Он положил свою руку под густые золотистые волосы, покрывавшие ее плечи, и пошел рядом с Мари, гордо выпрямившись, весело и нежно поглядывая на нее и как будто говоря

глазами всем и каждому: «Эта девочка под моей защитой; полюбуйтесь, какая она милая! И если б вы знали, как я доволен!»

Его радость произвела на мальчиков впечатление. Никому из них не пришло в голову равняться с ним. Они следовали за Пьером и Мари в некотором отдалении, но до их слуха изредка долетали слова, с которыми Пьер обращался к девочке. Он говорил ей:

– Ты увидишь, она будет тебя очень любить!.. Нет, тебе не надо будет больше бояться злых людей!.. А если этот Грибью осмелится хотя бы косо посмотреть на тебя, я ему задам!

И видно было, как благосклонно принимала девочка его слова.

6. Тщетная надежда

Они пришли в деревню и увидели за первым поворотом улицы собрание женщин, которые что-то шили, штопали, вязали и при этом болтали и сплетничали, сидя в тени дома, под зеленым навесом беседки.

Это было как раз место, где жил Пьер, и его мать вполне могла оказаться в кружке женщин. Он искал ее глазами, но не нашел. Пьер все еще держал руку девочки. Испуганная любопытными взглядами, обращенными на нее, Мари хотела остановиться.

– Пойдем, – сказал Пьер, – моей матери здесь нет; пойдем к нам домой.

Но кумушки хором стали расспрашивать детей, кто эта девочка с густыми волосами, как они ее нашли и откуда привели...

Тогда Пьер остановился, потому что не хотел, чтобы за него ответил кто-либо из товарищей. И надо было слышать его ответ! С какими трогательными подробностями рассказал он историю девочки, несмотря на то, что слышал ее всего один раз! Какой интерес сумел он вызвать своим рассказом!

– Бедное дитя! Милая девочка! Такая маленькая и так много уже испытала! – слышалось то здесь, то там, пока он рассказывал.

И сразу несколько женщин поднялись, притянули к себе малютку и, целуя, глядели на нее с горячим сочувствием, любясь ее скромным видом и поглаживая ее чудесные волосы.

Пьер сиял от удовольствия: ему удалось пробудить столько сочувствия к своей новой подруге.

Когда он приближался к концу своего рассказа, кто-то за его спиной произнес:

– Возьми ее, отец, прошу тебя.

Но Пьер не обратил на это внимания.

Как только он умолк, раздался голос мужчины с толстым и красным лицом, на руку которого опиралась некрасивая девочка лет пятнадцати, точная копия отца; роскошь ее костюма только выдавала плохой вкус.

– В общем, – сказал он, – это бедное дитя, которое нуждается в убежище. Я ее беру к себе. Пойдем, девочка, у меня ты не будешь терпеть недостатка ни в чем.

Пьер живо обернулся к толстяку, неожиданное предложение которого было принято всеми присутствующими в высшей степени благосклонно.

– К вам, господин Гюро? – произнес Пьер, снова взяв девочку за руку. – К вам? О нет! Она будет жить у нас.

– Как это у вас! – с презрением ответил толстяк. – Вот еще новость!

– Да, – подтвердил мальчик, – мы уже так условились.

– Условились, условились! А есть ли у тебя разрешение матери? Мне кажется, в первую очередь надо бы с ней посоветоваться.

– О, я уверен...

– Да вот и она сама идет, – прервал мальчика господин Гюро. – Мы и спросим ее мнение. Идите сюда поскорее, – прибавил он, обращаясь к матери Пьера.

И добрая женщина ускорила шаги с явным намерением угодить ему.

– Порадуйтесь славным выдумкам вашего Пьера. Здесь появилась маленькая, покинутая девочка, которая ищет где бы ей пристроиться. Я предлагаю взять ее к себе, и представьте, он хочет мне в этом помешать! Он намеревается взять ее к вам, как будто бы у вас, – толстяк произнес эти слова с ударением, бросив на вдову многозначительный взгляд, – и без этой девочки мало забот, мало хлопот. Объясните же ему, что он не знает, что говорит.

– Господин Гюро прав, – покраснев, ответила, или, вернее, пробормотала мать маленького защитника, – ты только слушался твоего доброго сердца, милый Пьер. Но, увы, мы

бедны, очень бедны, мы и так нуждаемся, а тут еще прибавится лишняя забота!.. Боже мой! Я охотно сделала бы это, – продолжала вдова, нежно глядя на девочку, – но мы не можем, нет, никак не можем...

Все это бедная вдова произнесла взволнованным голосом, посреди мертвого молчания. Пьер с расстроенным видом выпустил руку маленькой Мари и беспомощно опустил руки.

– Так и надо! Я так и думал! – сказал господин Гюро, жестом подзывая к себе девочку. – Пойдем, мы с Жюли будем сострадательны к тебе.

– Но я не ищу сострадания, – с почтительным достоинством рискнула ответить девочка, – я ищу работу.

– Работу, – повторил господин Гюро, – мамаша Бюрель не сможет дать тебе работу, но у нас...

И обращаясь к дочери, стоявшей рядом с ним, он спросил:

– Не правда ли, Жюли?

– Да, отец, – ответила та. – Ты хоть немного умеешь шить, милая?

– Немного... – ответила Мари. Она не могла сказать нет, потому что Пьер рассказал все, что касалось ее пребывания у кузины Мариетты.

– Этого достаточно, я тебя научу. Пойдем.

– Не надо идти туда, – шепнул ей на ухо Пьер, все время стоявший около нее. – У него служит Грибью. Этот негодяй может причинить тебе много зла.

– Ничего! – ответила девочка с той же самой беззаботной улыбкой, как тогда, когда Пьер уже однажды предостерегал ее об опасности.

Потом, обращаясь к толстяку и девочке и направляясь к ним, она сказала:

– По вашему желанию я иду с вами.

И все трое удалились.

На прощание Мари бросила на Пьера взгляд, выражавший глубокую печаль, но он не принес Пьеру утешения. Резко повернувшись спиной ко всему собранию, он направился к полю, насвистывая что-то веселое...

– Куда идешь, Пьер? – спросила его мать.

– Прогуляюсь немного.

– Куда же?

– Сам не знаю...

И он пошел прямо к Совиной башне. Там он выбрал укромное местечко и уселся, озаренный лучами заходящего солнца. Когда стемнело, он все еще сидел там в той же позе – подперев кулаками подбородок; лицо и руки его были мокрыми от слез, вызванных досадой, гневом и отчаянием.

– Гу! Гу! Гу! – ухнула вдруг ночная птица, и Пьер услышал над своей головой шум крыльев.

Он вскочил в испуге и только теперь заметил, что уже почти совсем темно.

И мальчик бегом пустился домой.

Часть вторая Свободная

1. У мамыши Бюрель

Когда Пьер вернулся домой, уже наступила ночь. У его матери сидели две соседки.

– А! – сказала она радостно, проводя рукой по глазам. – Вот и он!

– Что с тобой, матушка? – сказал Пьер, заметив это движение и заключив ее в объятия. – Ты плакала! Почему же?

– Ничего! Ничего! Я беспокоилась, потому что ты так поздно еще никогда не приходил... Но что с тобой? – прибавила она, поворачивая его лицо к лампе. – У тебя глаза совсем красные, голова горячая, руки тоже. Неужели у тебя такое горе?

– Да, у меня горе... Я думал... я полагал... Это случилось не по моей вине... Впрочем, оставим это! Все кончено...

– Бедный мальчик! – пробормотала мать, в то время как он уселся за стол, машинально придвинув к себе миску с супом.

– Боже мой, как ты его балуешь! – пожала плечами одна из соседок, глубоко пожилая женщина.

– Как же мне не баловать его, Мартина, ведь он один у меня...

– Согласна, но это не причина; напротив, это ему плохая услуга. Как можно беспокоиться до слез из-за большого мальчика, который пришел немного позже обычного... Волки его могли съесть, что ли?

– Но вы же видите сами, Мартина, он плакал.

– Вот беда! Эка важность! И этот большой, здоровый мальчик плачет, как младенец в люльке, и из-за чего, спрашивается? Уверю тебя, если бы ты разумно говорила с ним, что тебе давно следовало бы сделать, ему никогда не пришли бы в голову такие глупости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.